

КРАСИВОЕ ИМЯ — УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК*

Когда, еще будучи школьником, я услышал имя этого человека — Бруно Понтекорво! — оно поразило своей необычной звучностью, каким-то страстным порывом. . . Такое имя могло принадлежать только темпераментному, отважному и талантливому человеку.

Ореол таинственности и легенды окружал это имя. . . О Бруно Максимовиче очень мало писали, и мало о нем знали школьники и студенты моего поколения.

Знали только, что работает в Дубне «секретный профессор», ученик великого Э. Ферми, который по идейным мотивам решил переехать со всей семьей в Советский Союз. Немного позже он удостоивается самых престижных премий за исследования в области физики нейтрино, становится членом Академии наук СССР, еще позже начинают появляться статьи о нем и интервью с ним.

В студенческие годы мне посчастливилось впервые столкнуться и познакомиться с Бруно Максимовичем Понтекорво в достаточно необычной обстановке. . .

Это было в апреле 1966 г. в крымском санатории «Парус», где проходила школа по физике элементарных частиц. Первая для моих друзей Вити Саврина, Миши Савельева (ныне известные физики-теоретики) и для меня «взрослая» научная школа. Мы были дипломниками, и участвовать в такой престижной школе для нас было и большим счастьем, и довольно трудной работой.

В первый же выходной день на школе мы с ребятами отправились на море купаться, но вода была очень холодная (12–14 °С), и купание заключалось лишь в том, что мы стремительно вбегали и выбегали из воды, а потом сидели на камушках и смотрели на море.

Вдруг из моря из-за скалы появились две фигуры с аквалангами, с подводными ружьями и в ластах. Это произошло как раз в тот момент, когда Витя Саврин у самого берега поймал буквально за хвост большую рыбину, которую волной ударило о камень.

И вот мы стоим и разглядываем рыбину, а из моря появляются два «подводных» охотника без какой-либо добычи.

---

* *Понтекорво Б.* Избранные труды: В 2 т. Т. II. Воспоминания / Под общ. ред. С. М. Биленького. М., 1997. С. 241–243.

«Очень большую рыбу ви поймали. . . » — сказал с сильным акцентом один из аквалангистов. И это был Бруно Максимович, которого мы сразу узнали, так как он читал лекции дубненской группе студентов и время от времени появлялся на физфаке в Москве. Вторым аквалангистом был Алексей Алексеевич Тяпкин.

Б. М. не знал, что рыба была схвачена только потому, что волна ударила ее о камень, и очень поэтому удивлялся, как нам удалось руками у берега поймать такую рыбину. Мы старательно подыгрывали этому заблуждению, но, будучи разоблаченными, пригласили Бруно Максимовича отведать уху из этой рыбы и неожиданно получили согласие.

Готовить рыбу пришлось мне, так как Миша и Витя обладали меньшим опытом в кулинарии. Рыба была такая большая, что удалось сразу приготовить и уху, и жаркое. Миша был размещен оргкомитетом на квартире, поскольку санаторных номеров на всех многочисленных участников не хватило, и это обстоятельство помогло проще справиться с поставленной задачей, так как в нашем распоряжении была неплохая кухня.

Помню сейчас, что Бруно Максимович пришел совсем ненадолго, но был очень прост, демократичен и много шутил и смеялся. А для нас это было почти фантастическое событие — ужинать со знаменитым Бруно Понтекорво. Это первое яркое воспоминание, которое хранит память.

А потом были многие и многие годы знакомства с Бруно Максимовичем и его замечательной семьей.

В Дубне семья Понтекорво жила в коттедже по соседству с семьей Николая Николаевича Боголюбова, крупнейшего ученого и замечательного человека. Он был моим учителем, и мне часто приходилось бывать у него дома. Понтекорво и Боголюбов всегда относились друг к другу с большим уважением и теплотой.

Сыновья Понтекорво — Джиль, Тито, Антонио — как будто бы каждый по-своему унаследовали ум и красоту своего великого отца.

Увлеченность Тито коневодством, его безусловный и редкий талант организатора стали целым явлением в жизни нашего города. Джиль сочетает в себе талант ученого-физика с прекрасным, профессиональным владением иностранными языками. Антонио живет в основном в Москве, но всегда радуют отзывы его друзей о нем как о добром и способном человеке.

В дубненской жизни к образу Бруно Максимовича добавлялись новые, порой анекдотические черточки. Анекдоты рассказывают, как правило, про тех, кого любят. . . «По Дубне ходят шлюхи. . . » — иногда начинал с улыбкой свой рассказ Понтекорво. И можно было только догадываться, что имелось в виду: наверное, просто с акцентом сказал слово «слухи».

Бруно Максимович был всегда очень темпераментен на семинарах, конференциях, любых обсуждениях научных проблем.

К людям, достойным самой жесткой критики, он, как правило, применял термин «он не гений. . .». О, это очень много значило в его устах! Это выражение до сих пор живет и используется в Дубне.

Сегодня о той роли, которую сыграл Б. М. Понтекорво в науке, особенно в физике нейтрино, широко известно и много написано. Думаю, что нам никогда не удастся до конца проникнуть в тайну его переезда в Советский Союз. Появляющиеся в последнее время воспоминания об этом периоде противоречивы и по понятным причинам субъективны. Его звучное научное имя принадлежит сегодня и Италии, и России. . . и всей мировой науке.

Бруно Максимович, безусловно, был красивой и талантливой личностью, которая влияла на всех окружающих людей.

Помню, как в 60-е годы (когда Бруно Максимович не мог ездить на родину, в Италию) во время Московского кинофестиваля он впервые за долгие годы встретился со своим братом — известным кинорежиссером. При огромном стечении народа Бруно Максимович, очень бурно жестикулируя, буквально поднял весь зал — приветствовать овацией историческую встречу двух выдающихся братьев.

Он очень радовался, что в последние годы имел возможность часто посещать сестру, братьев, общаться и работать с итальянскими коллегами, давать интервью итальянским журналистам. Но какая горечь и боль звучали в его голосе, когда однажды он позвонил мне в Дубну из Рима, чтобы опровергнуть информацию одного из журналистов, что академик Б. М. Понтекорво навсегда покинул «вторую родину» . . . «Я напишу опровержение», — сказал он, но опровержение внесла сама жизнь.

Довольно скоро после этого он вернулся в Дубну и внезапно умер, вскоре после того, как отпраздновал свой 80-летний юбилей в стенах родного ему Объединенного института, в Лаборатории ядерных проблем. Все восприняли его уход как внезапное и несправедливое событие, несмотря на болезнь, которая его преследовала последние годы. Ведь он умел оставаться оптимистом, несмотря на эту болезнь, веселиться с друзьями на вечеринках, «без рук» ездить на велосипеде, рассказывать смешные истории («Много ли «ноль» для охоты на африканских тигров? Для африканских тигров — достаточно. . .»), оставаться оптимистичным, принципиальным и требовательным в науке (хотя уже наступили не самые светлые годы в российской науке).

За два дня до ухода его из жизни он пришел на НТС ОИЯИ, несмотря на плохое самочувствие, отказался от машины, чтобы его отвезли домой. Задержался на несколько минут в зале, а на мой вопрос: «Как себя чувствуете, Бруно Максимович?» — ответил: «Все нормально. Не беспокойтесь. Идите, ведь в институте так много дел. . .» И как-то грустно улыбнулся.

Вся Дубна прощалась с Бруно Максимовичем. И не только научная Дубна, но и две его большие родины, Италия и Россия, склонили головы в память об удивительно ярком человеке с таким звучным красивым именем.

В Дубне в новом микрорайоне по соседству расположились два новых проспекта — Боголюбова и Понтекорво. Новые поколения физиков пройдут сегодня и завтра по этим широким магистралям. . .

Москва, 1997 г.